A 296/325

Q 296
325

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1895.

Д 296
325.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

КАРАМЗИНЪ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1895.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 Іюня 1895 г.

ЕИОМ

Статья изъ «Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей», издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

2007050300

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

КАРАМЗИНЪ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, исторіографъ, род. 1 декабря 1766 г., умеръ 22 мая 1826 г. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, ведущему свое происхожденіе отъ татарскаго мурзы, по имени Кара-Мурза. Отецъ его симбирскій помѣщикъ, Михаилъ Егоровичъ, служилъ въ Оренбургѣ при И. И. Неплюевѣ и вышелъ въ отставку капитаномъ; женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Пазухиной; вторымъ сыномъ, рожденнымъ отъ этого брака, былъ Николай Михайловичъ. Родился онъ въ селѣ Михайловкѣ, нынѣ самарской губерніи бузулукскаго уѣзда, и младенцемъ увезенъ былъ въ село Знаменское, симбирской губерніи и симбирскаго уѣзда. Матери онъ лишился очень рано и едва ее помнилъ, хотя и сохранилъ особое благоговѣніе къ ея памяти. Въ 1770 г. отецъ его женился во второй разъ на теткѣ И. И. Дмитріева, о которой не сохранилось никакихъ свѣдѣній; мы знаемъ, что отъ нея у Михаила Егоровича было нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ съ сестрою Марѳою былъ друженъ Николай Михайловичъ; но долго ли жила вторая жена М. Е. Карамзина, имѣла ли какое либо вліяніе на пасынка, мы не знаемъ. Свѣдѣнія о дѣтствѣ Карамзина сохранились отчасти въ запискахъ И. И. Дмитріева, а частію (хотя и въ романической формѣ, но съ справедливою основою, что подтверждается собственными разсказами Карамзина близкимъ людямъ) въ повѣсти: «Рыцарь нашего времени». Въ этой повѣсти встрѣчаемъ кругъ простодушныхъ друзей и сосѣдей Михаила Егоровича, отставныхъ военныхъ, образованныхъ мало, но исполненныхъ понятій чести, которыя такимъ образомъ перешли къ сыну отъ отца. Библіотека романовъ, оставшихся послѣ матери, была первымъ чтеніемъ героя повѣсти Леона, лишь только онъ выучился грамотѣ у дьячка. Погодинъ вѣрно замѣчаетъ, что еслибы Карамзинъ не прочелъ этихъ романовъ въ дѣтствѣ, онъ не зналъ бы ихъ даже по названію. Такое чтеніе развивало въ мальчикѣ мечтательность, за то романы эти своимъ хотя сентиментальнымъ, но нравоучительнымъ направленіемъ укрѣпили въ немъ вѣру въ непремѣнное торжество добра. Впрочемъ онъ читалъ и не одни романы: по собственному его показанію, тогда же прочелъ онъ и Римскую исторію (должно быть Роллена). Религіозное чувство укрѣпилось въ Карамзинѣ страннымъ случаемъ: разъ во время прогулки съ дядькою онъ встрѣтилъ медвѣдя; вдругъ ударилъ громъ и убилъ мед-

вѣдя. Припоминая этотъ случай, Карамзинъ говорилъ (1792 г.): «сей ударъ былъ основаніемъ моей религіи». Въ 1773 г., узнавъ о нападеніи на ихъ деревню пугачевцевъ, Михаилъ Егоровичъ уѣхалъ и тѣмъ спасся отъ погибели. На одиннадцатомъ году жизни Карамзина, на него, какъ на хорошенькаго мальчика, обратила вниманіе сосѣдка ихъ, Пушкина (имя сообщаетъ Сербиновичъ на основаніи словъ исторіографа) и начала воспитывать его по свѣтски: учить по французски, баловать, пріучать къ свѣтскимъ пріемамъ, ласкать. (Оба эти обстоятельства: и ударъ грома и сосѣдка, вошли въ повѣсть «Рыцарь нашего времени») Вліяніе это продолжалось, кажется, не болѣе года: отецъ, по вѣроятному соображенію Л. И. Поливанова, испугался такого направленія и, по совѣту своего сосѣда Теряева, отдалъ сына въ Симбирскъ въ пансіонъ Фовеля, гдѣ онъ учился по-французски; не къ тому-ли времени относится показаніе Дмитріева, что по-нѣмецки Карамзинъ учился въ Симбирскѣ у доктора, фамиліи котораго Дмитріевъ не сообщаетъ, а хвалитъ кроткій и чистый его характеръ. Въ Симбирскѣ Карамзинъ пробылъ недолго и былъ, по совѣту того же Теряева, отвезенъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ профессора Шадена. Это случилось послѣ 1776 года, какъ можно догадаться по словамъ самаго Карамзина, что въ пансіонѣ онъ слѣдилъ за освободительною Американской войною. Шаденъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ хорошій, нравственный, образованный человѣкъ и умный преподаватель. Въ своихъ академическихъ рѣчахъ Шаденъ развивалъ многія изъ тѣхъ мыслей, которыя впослѣдствіи встрѣчаемъ у Карамзина. Онъ является защитникомъ семьи, требуетъ отъ нея нравственности и образованія, въ которомъ религія должна занимать первое мѣсто. Религія, по его мнѣнію, начало мудрости, безъ нея нѣтъ счастія. Изъ формъ государственнаго устройства онъ предпочиталъ монархію, въ которой давалъ видное мѣсто дворянству. Благородный, по его мнѣнію, долженъ быть мужемъ добродѣтельнымъ и мудрымъ, жертвовать всѣмъ общей пользѣ, поставлять величайшую награду въ самой добродѣтели. Само собой разумѣется, что онъ долженъ быть образованъ, чтобы могъ съ пользою служить отечеству. Подробностей о преподаваніи въ пансіонѣ мы къ сожалѣнію не имѣемъ: знаемъ только, что здѣсь Карамзинъ основательно познакомился съ нѣмецкимъ и французскимъ языками, учился по-англійски, кажется по-латыни, по-итальянски и по-гречески: самъ Карамзинъ говорилъ въ «Письмахъ Путешественника», что онъ начиналъ учиться по-гречески; касательно латинскаго языка кажется достовѣрно свидѣтельство Тургенева, что онъ учился этому языку, не смотря на слова Петрова въ письмѣ къ Карамзину: «хоть ты по-латыни и не учился»; изъ примѣчаній къ «Исторіи Государства Россійскаго» можно заключить, что онъ зналъ по-латыни. Изъ пансіона Карамзинъ вынесъ уваженіе къ славному тогда нѣмецкому моралисту Геллерту: по лекціямъ Геллерта Шаденъ преподавалъ нравоученіе (этику) своимъ воспитанникамъ. Въ автобіографической запискѣ Карамзина для митр. Евгенія говорится, что онъ посѣщалъ въ это время университетскія лекціи, но къ сожалѣнію неизвѣстно какія; впрочемъ Дмитріевъ свидѣтельствуетъ, что они съ Петровымъ слушали Шварца. По обычаю того времени Карамзинъ съ колыбели былъ записанъ въ военную службу, и потому по окончаніи курса въ пансіонѣ въ 1781 г., явился въ Преображенскій полкъ и получилъ годовой отпускъ; тогда, быть можетъ, онъ и слушалъ лекціи Шварца въ Москвѣ. Въ 1782 г. онъ поступилъ на дѣйствительную службу. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ И. И. Дмитріевымъ. Съ этихъ поръ началась ихъ дружба, продолжавшаяся безъ всякихъ недоразумѣній до смерти Карамзина. Дмитріевъ не былъ такъ богато одаренъ, какъ Карамзинъ, не былъ такъ широко образованъ, но онъ былъ человѣкъ умный, сдержанный, съ большимъ тактомъ, пріятный собесѣдникъ. Письма Карамзина къ Дмитріеву, съ которымъ онъ почти такъ же откровененъ, какъ съ женою,—драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи; жаль, что не сохранилось писемъ Дмитріева. Записки Дмитріева даютъ хотя любопытныя, но слишкомъ краткія свѣдѣнія о Карамзинѣ. Въ эту пору молодые друзья постоянно видались и сообщали другъ другу свои литературные опыты. Карамзинъ, по свидѣтельству Дмитріева, началъ свою дѣятельность переводомъ разговора въ царствѣ мертвыхъ Маріи Терезіи съ императрицей Елизаветой Петровной. За этотъ переводъ получилъ онъ отъ книгопродавца Миллера экземпляръ «Тома Джонса» въ русскомъ переводѣ («Томасъ Іонесъ»). Переводъ

этотъ не отысканъ. Первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ идиллiи Геснера: «Деревянная нога» (1783 г.). По смерти отца Карамзинъ вышелъ въ отставку (уволенъ 1 января 1784 г.) и уѣхалъ на родину. Въ Симбирскѣ онъ велъ разсѣянную свѣтскую жизнь, какъ свидѣтельствуетъ Дмитрiевъ; но не одни развлеченiя занимали его здѣсь: изъ писемъ къ нему Петрова видно, что онъ тамъ много читалъ, перевелъ статью для «Дѣтскаго чтенiя», издававшагося Новиковымъ («Разговоръ между отцомъ и дѣтьми о кофе»), готовилъ возраженiя на мнѣнiе Вольтера о Шекспирѣ, собирался переводить Шекспира. Петровъ, съ которымъ Карамзинъ познакомился, вѣроятно, еще во время пребыванiя въ пансiонѣ Шадена, имѣлъ большое вліяніе на развитiе его вкуса, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень начитанный. Карамзинъ очень любилъ его и въ статьѣ «Чувствительный и хладнокровный», писанной уже по смерти Петрова, представилъ подъ именемъ хладнокровнаго его характеристику. Дмитрiевъ пишетъ: «Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подчасъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познанiямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ». Изъ Симбирска уѣхалъ Карамзинъ лѣтомъ 1785 г.: его уговорилъ возвратиться въ Москву Н. П. Тургеневъ, тоже симбирскiй уроженецъ. Тургеневъ былъ масонъ и въ Москвѣ онъ сблизилъ Карамзина съ кругомъ Новикова, къ которому принадлежалъ Петровъ и въ которомъ Карамзинъ уже былъ извѣстенъ участiемъ въ «Дѣтскомъ чтенiи». Въ Москвѣ Карамзинъ поселился вмѣстѣ съ Петровымъ у Меншиковой башни въ домѣ, принадлежавшемъ «Дружескому Обществу». «Я какъ теперь вижу,—говоритъ Дмитрiевъ—скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву; а другая освящена была Iисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа». Масонство могло съ одной стороны привлекать къ себѣ Карамзина: въ Москвѣ въ то время оно проявляло себя благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью. Этими сторонами масонство, въ лицѣ Новикова, осталось навсегда памятнымъ въ русской исторiи; но и въ самыхъ воззрѣнiяхъ масоновъ было нѣчто сочувственное Карамзину: масонство являлось противодѣйствiемъ возрастающему въ просвѣщенныхъ классахъ Европы невѣрiю, которое должно было отвращать отъ себя Карамзина по характеру его и по его воспитанiю; но мистическая сторона масонства и таинственность масонскихъ обрядовъ не могли нравиться Карамзину, какъ онъ самъ разсказывалъ Гречу, и потому передъ отъѣздомъ своимъ за границу онъ заявилъ, что перестанетъ ходить въ собранiя масоновъ; разстались они друзьями, и послѣ Карамзинъ является защитникомъ Новиковъ. Вотъ почему, преслѣдованiе, начавшееся позднѣе противъ масоновъ, его не коснулось: масоны сами заявили, что Карамзинъ не находится съ ними въ связи; но въ матерiальномъ отношенiи онъ понесъ ущербъ, ибо ручался по векселямъ Новикова, и къ нему обратились по случаю ликвидацiи дѣлъ общества. Въ эти годы Карамзинъ очень много работалъ: участвовалъ въ переводѣ Штурмовыхъ «Размышленiй о дѣлахъ Божiихъ» (1786 г. —изданы позднѣе), участвовалъ въ «Дѣтскомъ чтенiи» (1787—1789 гг.), гдѣ кромѣ переводовъ принадлежитъ ему, по основательной догадкѣ А. Д. Галахова, повѣсть «Евгенiй и Юлiя», напечатанная безъимянно. Съ этой повѣсти слѣдуетъ вести начало чувствительныхъ повѣстей; переводилъ въ прозѣ Галлерову поэму: «О происхожденiи зла (1786 г.), отличающуюся оптимизмомъ, къ которому такъ склоненъ былъ Карамзинъ, и который былъ его постояннымъ воззрѣнiемъ (идиллическiй и сентиментальный характеръ этого произведенiя остановилъ на немъ выборъ Карамзина); переводилъ Шекспирова «Юлiя Цезаря» (1787 г.), кладя такимъ образомъ основанiе знакомству русской публики и съ этимъ великимъ поэтомъ. Уже и тогда Карамзинъ понималъ неудовлетворительность французскаго классицизма. Потомъ перевелъ Лессингову «Эмилiю Галотти» (1788 г.), наконецъ писалъ стихотворенiя; между ними особенно замѣчательно одно: «Поэзiя» (1787 г.), въ которомъ Карамзинъ исчисляетъ своихъ любимыхъ поэтовъ и тѣмъ показываетъ, какъ широко былъ уже и тогда объемъ его чтенiй. Замѣчательно, что въ одномъ письмѣ къ Дмитрiеву (2 iюля

1788 г.) онъ указываетъ на гекзаметръ, какъ на размѣръ, наиболѣе годный для эпической поэзіи: его стало быть не перепугалъ примѣръ «Телемахиды». Въ этихъ упражненіяхъ развивались языкъ и слогъ Карамзина, которые скоро въ «Письмахъ русскаго путешественника» такъ поразили всѣхъ. «Откуда взяли вы такой чудесный слогъ?»—спрашивалъ разъ Ѳ. Н. Глинка Карамзина.—«Изъ камина», отвѣчалъ онъ. —«Какъ изъ камина?»—«Вотъ какъ: я переводилъ одно и то же раза по три и по прочтеніи бросалъ въ каминъ, пока наконецъ доходилъ до того, что оставался довольнымъ и пускалъ въ свѣтъ». Въ эту пору жизни Карамзинъ, кромѣ Дмитріева и Петрова, былъ еще близокъ съ А. М. Кутузовымъ, переводчикомъ «Мессіады» и «Юнговыхъ ночей», человѣкомъ умнымъ, склоннымъ къ меланхоліи, въ чемъ онъ сходился съ Карамзинымъ; тогда онъ былъ уполномоченнымъ отъ московскихъ масоновъ за границей, гдѣ и умеръ. Близокъ онъ былъ съ Ленцомъ, нѣмецкимъ поэтомъ бурнаго періода, благодаря которому онъ болѣе познакомился съ англійской поэзіей. Ленцъ умеръ въ Москвѣ, потерявъ предварительно разсудокъ. Въ эту пору Карамзинъ вошелъ въ переписку съ знаменитымъ тогда Лафатеромъ; письма его къ швейцарскому мудрецу недавно отысканы и изданы въ «Запискахъ» Академіи Наукъ (т. LXXIII). Всего же ближе былъ Карамзинъ съ семействомъ Плещеевыхъ: мужъ былъ предсѣдателемъ одной изъ палатъ въ Москвѣ, жена славилась своимъ умомъ и любезностью. Къ нимъ писалъ Карамзинъ изъ-заграницы свои знаменитыя письма; Плещеевой была посвящена впослѣдствіи его «Аглая». Когда состояніе Плещеевыхъ пошатнулось, Карамзинъ не разъ выручалъ ихъ изъ затрудненій. Для этого онъ въ 1795 г. продалъ остальное имѣніе братьямъ, торопилъ ихъ высылкою денегъ, ѣздилъ по этому поводу въ Симбирскъ; но никогда не напоминалъ Плещеевымъ объ этомъ долгѣ.

Весною 1789 г. Карамзину удалось исполнить свое сильное желаніе увидѣть Европу. Онъ продалъ имѣніе братьямъ и на эти деньги совершилъ поѣздку. За границей пробылъ онъ 18 мѣсяцевъ (съ 18 мая 1789 г. по сентябрь 1790 г.). Ѣхалъ онъ черезъ Курляндію въ Германію, гдѣ останавливался въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Веймарѣ и потомъ черезъ Франкфуртъ и Страсбургъ пріѣхалъ въ Швейцарію. Здѣсь останавливался въ Бернѣ, Цюрихѣ, Женевѣ; ходилъ по горамъ. Оттуда отправился во Францію, посѣтилъ Ліонъ, останавливался въ Парижѣ. Путешествіе закончилось Лондономъ. Изъ Англіи онъ вернулся на родину моремъ. Путешествіе Карамзина было явленіемъ необыкновеннымъ. Ѣздили—какъ справедливо замѣчаетъ Д. Н. Анучинъ—люди состоятельные болѣе для прогулки и увеселенія себя; ѣздили люди, готовящіеся къ ученому званію, но тѣ заняты были своею цѣлью и не имѣли ни времени, ни средствъ знакомиться съ окружающимъ обществомъ. Болѣе могъ видѣть Фонвизинъ, но въ своихъ письмахъ, часто остроумныхъ, онъ останавливается (по замѣчанію того-же автора) только на мрачныхъ сторонахъ; къ тому же они не были предназначены къ печати. Карамзинъ рисуетъ въ своихъ письмахъ красоты природы, которыя онъ научился цѣнить во время своего путешествія; прежде онъ любилъ только описанія ихъ у поэтовъ; разсказываетъ дорожныя встрѣчи и знакомства, описываетъ достопримѣчательности городовъ, а главное передаетъ свои разговоры съ замѣчательными людьми. Цѣлью его путешествія было не изученіе какой либо науки, а наблюденіе надъ чуждою для Россіи жизнью: его широкое литературное образованіе дало ему средства и разговаривать съ европейскими поэтами и учеными, и передать русской публикѣ очерки ихъ личностей. Современникамъ его изящное изложеніе давало возможность многое узнать и расширить свой умственный горизонтъ. Потомство въ письмахъ его находитъ драгоцѣнный матеріалъ для выясненія взглядовъ людей того времени. Еще недавно появился французскій переводъ этого произведенія и вызвалъ статьи, указывающія его значеніе, какъ историческаго матеріала. Карамзинъ интересуется болѣе всего природой и умственнымъ движеніемъ, политики касается мало; но видно, что онъ не одобряетъ французской революціи. По своимъ взглядамъ онъ и не могъ одобрять ее: онъ стоялъ за мирный прогрессъ; событія его времени еще болѣе укрѣпили его въ этихъ воззрѣніяхъ. Можетъ быть и самое настроеніе правительства внушало Карамзину осторожность: извѣстно, что и въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, послѣднія части «Пи-

семъ» появились только въ 1801 г. Карамзинъ мало слѣдилъ за жизнью массъ,— но она тогда еще не внушала такого интереса, какъ впослѣдствіи,; впрочемъ онъ не оставилъ безъ замѣчанія и ея тяжелаго положенія. «Письма» не только познакомили русскую публику съ мало еще извѣстнымъ ей міромъ Европейской жизни, но и дали небывалый дотолѣ образецъ вполнѣ изящнаго изложенія: Я. К. Гротъ основательно доказалъ, что если Карамзинъ и имѣлъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи, то ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ этого тона постоянно: рядомъ съ изящною фразою встрѣчается совершенно нескладная. Оттого Карамзинъ вызвалъ много подражателей и вопросъ о «старомъ и новомъ слогѣ» возникъ по поводу его сочиненій. Чѣмъ же является Карамзинъ въ своихъ письмахъ? Хотя онъ и въ то время былъ пламеннымъ патріотомъ, но твердо стоялъ за общечеловѣческое просвѣщеніе: «все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами», говоритъ онъ. Глубоко уважая европейскую цивилизацію, Карамзинъ относился къ ней критически: онъ высоко ставилъ Руссо, съ которымъ сближали его и его чувствительность и любовь къ природѣ; но онъ находилъ парадоксальнымъ его разсужденіе о вредѣ наукъ, указалъ недостатки въ «Новой Элоизѣ» и конечно не могъ сочувствовать его «Общественному договору». Въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ онъ стоялъ ближе къ Вольтеру, желавшему реформъ черезъ посредство просвѣщеннаго правительства; въ Вольтерѣ онъ цѣнилъ также проповѣдника религіозной терпимости; но цинизмъ Вольтера и въ особенности его грубыя насмѣшки надъ религіей не могли ему нравиться. Знакомство съ нѣмецкою и англійскою литературами спасло Карамзина отъ односторонняго увлеченія французской. Отдавая должное представителямъ французскаго классицизма, онъ ставилъ однако выше ихъ Шекспира и нѣмецкихъ драматурговъ; но подъ вліяніемъ французовъ, особенно Вольтера, онъ не понималъ среднихъ вѣковъ и слово «готическое» (даже въ архитектурѣ) у него означало варварское; оттого и къ Раблэ онъ относился недовѣрчиво. Любопытно, что въ то время, когда большинство горячо вѣрило въ возможность пересоздать общество учрежденіями, Карамзинъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе: «не конституція, — говоритъ онъ въ «Письмахъ»,—а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: «мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ». Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно». Въ этихъ словахъ слышится будущій авторъ «Записки о Древней и Новой Россіи» и «Исторіи Государства Россійскаго».

Въ Петербургѣ Карамзинъ пробылъ недолго. Здѣсь онъ черезъ Дмитріева познакомился съ Державинымъ. Слѣдующій случай, сообщаемый Сербиновичемъ со словъ самого Карамзина, характеризуетъ тогдашнее настроеніе: за столомъ у Державина Карамзинъ въ спорѣ выразилъ мнѣнія, несогласныя съ общепринятыми тогда; жена Державина дала ему знать пожатіемъ ноги, чтобы онъ выражался осторожнѣе. Не смотря на то, что подъ вліяніемъ событій во Франціи правительство начало относиться подозрительно къ литературѣ, Карамзинъ рѣшился въ Москвѣ издавать журналъ, и въ ноябрѣ напечаталъ о немъ объявленіе. Журналъ назывался «Московскій Журналъ»; въ объявленіи Карамзинъ обѣщалъ помѣщать «все, что можетъ нравиться людямъ, имѣющимъ вкусъ», но заявлялъ, что въ планъ его «не входятъ только теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія, сухія піесы». И простое заглавіе и скромное объявленіе были новостью посреди тогдашнихъ вычурныхъ названій журналовъ и широковѣщательныхъ объявленій о нихъ, примѣры которыхъ собраны Д. Н. Анучинымъ въ статьѣ «Столѣтніе Писемъ русскаго путешественника», («Русская Мысль», 1891 г., №№ 7 и 8). Въ «Московскомъ Журналѣ» помѣщались стихотворенія Державина, Хераскова, Дмитріева, а главнымъ образомъ сочиненія самого Карамзина. Здѣсь печаталось въ 1791 г. начало «Писемъ русскаго путешественника», «Софія» —любопытная попытка драмы изъ русской жизни во вкусѣ Коцебу; «Фролъ-Силинъ», идеализированное изображеніе русскаго крестьянина, основанное на дѣтскихъ воспоминаніяхъ автора; нѣсколько стихотвореній Карамзина, нѣсколько замѣтокъ о новыхъ книгахъ, русскихъ и

иностранныхъ и статьи о театрѣ, изъ которыхъ особенно замѣчательна статья о представленіи «Эмиліи Галотти» на Московской сценѣ. «Московскій Журналъ» выходилъ и въ 1792 г.; въ этомъ году появилось продолженіе «Писемъ»; напечатана «Бѣдная Лиза», произведшая глубокое впечатлѣніе на современниковъ; понравилась она, по вѣрному заключенію А. Д. Галахова, болѣе своимъ сентиментальнымъ направленіемъ, чѣмъ внѣшнею обстановкою. Въ особенности слабо изображена героиня, въ которой уже никакъ нельзя видѣть крестьянки. Тамъ-же появилась «Наталья боярская дочь», по мнѣнію Л. И. Поливанова, произведеніе юмористическое и составляющее переходъ отъ «Душеньки» къ «Руслану и Людмилѣ». Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться вполнѣ: если Карамзинъ и не былъ тогда противникомъ реформы Петра, какимъ явился въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» а въ «Исторіи Государства Россійскаго», то все же простота старинной жизни имѣла для него свою прелесть и потому, если и встрѣчаются юмористическія черты въ этой повѣсти, то есть и доля сочувствія. Въ повѣсти «Ліодоръ» находятъ черты автобіографическія. Стихотворенія Карамзина тоже помѣщались въ 1792 г., изъ нихъ замѣчательно: «Къ Милости» — первый гражданскій подвигъ Карамзина, ибо оно появилось во время преслѣдованій масоновъ. Любопытно, что въ этомъ году напечатаны были «Сцены изъ Саконталы», новое свидѣтельство широкихъ литературныхъ вкусовъ Карамзина. Въ литературѣ Карамзинъ встрѣтилъ противниковъ въ «Зрителѣ» Крылова и Клушина и «Россійскомъ Магазинѣ» Туманскаго. Явились и послѣдователи: такимъ былъ появившійся журналъ Подшивалова «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Въ 1793 г. журналъ не возобновился. Въ послѣсловіи къ «Московскому Журналу» Карамзинъ указываетъ на срочность журнала, которая мѣшала строгому выбору статей, и на свое желаніе заняться трудомъ болѣе прочнымъ. Вмѣсто журнала онъ принимался за сборникъ «Аглая»; указаніе на большой трудъ—намекъ, что онъ уже мечталъ объ исторіи. Едва ли это впрочемъ единственная причина прекращенія журнала: жаловаться на неуспѣхъ журнала было нельзя: успѣхъ былъ большой, ибо хотя въ первый годъ было только 256 подписчиковъ, но на второй уже было 294, что тогда казалось большимъ успѣхомъ; о сочувствіи публики свидѣтельствуетъ и то, что въ 1794 г. Карамзинъ собралъ свои статьи изъ «Московскаго Журнала» подъ названіемъ «Мои бездѣлки», которыя были перепечатаны въ 1797 г. и снова въ 1801 г. Наконецъ, въ 1801 г. вышло 2-е изданіе всего журнала. Политическія обстоятельства могли способствовать прекращенію журнала, ибо хотя Карамзинъ и не подвергся опалѣ, но слухи о ней носились въ обществѣ. Погодинъ удивляется тому, что Екатерина не обратила вниманія на Карамзина, но хотя невинность его была ясна, все же въ глазахъ тогдашнихъ правителей, связи его съ «Дружескимъ Обществомъ» кидали на него тѣнь. Въ 1793 г. Карамзинъ лишился своего ближайшаго друга: А. А. Петровъ умеръ въ Петербургѣ. Горе свое Карамзинъ выразилъ въ статьѣ: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», такъ называлъ онъ Петрова. Статья эта помѣщена въ первой книжкѣ сборника «Аглая», изданнаго имъ зимою 1793 г. Именемъ Аглаи, одной изъ граціи, Карамзинъ называлъ Плещееву. Вторая книжка «Аглаи», вышедшая въ 1794 г., была ей посвящена. Въ первой книжкѣ помѣщено было: «Что нужно автору», гдѣ выше всего ставится желаніе добра, любовь къ человѣчеству; этими качествами Карамзинъ объясняетъ успѣхъ Руссо, опроверженію мнѣній котораго о вредѣ наукъ посвящена другая статья той же книжки: «Нѣчто о наукахъ». Здѣсь же напечатанъ «Островъ Борнгольмъ», привлекавшій современниковъ таинственностью содержанія и нравившейся знаменитою тогда пѣснею: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви»; «Письма русскаго путешественника» продолжаются въ обѣихъ книжкахъ «Аглаи». Были въ этомъ сборникѣ и чужія произведенія. Большую часть 1793 и 1794 гг. Карамзинъ провелъ въ имѣніи друзей своихъ Плещеевыхъ (орловской губерніи); осенью 1794 г. вышла вторая книжка «Аглаи». Изъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, особенно важна «Переписка Филалета и Мелодора». По остроумному замѣчанію А. Д. Галахова, Мелодоръ и Филалетъ это олицетвореніе Карамзина въ двухъ разныхъ настроеніяхъ: Мелодоръ—Карамзинъ, убоявшійся за успѣхъ просвѣщенія, въ виду прискорбныхъ явленій той эпохи, и усомнившійся въ прогрессѣ; Филалетъ—это Ка-

рамзинъ послѣдователь оптимизма, убѣжденный въ томъ, что въ мірѣ Божіемъ существуетъ порядокъ, котораго мы только не понимаемъ по слабости нашего разума. Здѣсь же напечатанъ изящный очеркъ: «Аѳинская жизнь» и начата сказка «Илья Муромецъ». Карамзинъ готовилъ третью книжку «Аглаи», но она не выходила. Въ 1795 г. онъ принялъ участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и помѣщалъ въ нихъ подъ названіемъ «Смѣси» мелкія статьи, большею частію переводныя. Погодинъ справедливо называетъ эти статьи фельетономъ. Вообще эти годы Карамзинъ работалъ довольно мало и предавался свѣтскимъ удовольствіямъ: ухаживалъ за женщинами, даже игралъ въ карты. Погодинъ объясняетъ такой разсѣянный образъ жизни политическими обстоятельствами, подозрѣваетъ даже, не было ли дано ему какого либо предостереженія, тѣмъ болѣе, что ходили слухи объ его ссылкѣ. Можетъ быть это предположеніе довольно основательно, возможно и то, что извѣстная доля этихъ увлеченій должна быть отнесена къ молодости Карамзина: мы знаемъ, что и въ Симбирскѣ онъ увлекался выѣздами въ свѣтъ. Карамзинъ самъ не былъ доволенъ такимъ образомъ жизни: «Правда, бывали минуты, бывали часы,—писалъ онъ Дмитріеву,—въ которые другъ твой смѣшивался съ толпою, но съ моимъ ли сердцемъ можно любить свѣтъ». Полная бездѣятельность однако была для него невозможна и потому въ 1796 г. онъ перевелъ повѣсть Сталь «Мелина», издалъ повѣсть «Юлія» и первую книжку собранія чужихъ и своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Аониды», которая является подражаніемъ извѣстному тогда «Almanach des Muses». Вторая книжка «Аонидъ» вышла въ 1797 г., а третья въ 1799 г. 6 Ноября 1796 г. скончалась Екатерина. Новое царствованіе пробудило въ Карамзинѣ надежды на лучшее время: дѣятели «Дружескаго Общества» были возвращены изъ ссылки. Восшествіе Павла привѣтствовалъ онъ одою, въ которой прославляетъ въ общихъ выраженіяхъ милость къ Новикову, выражаетъ надежду на то, что «святая искренность» можетъ «къ царю приближаться теперь». Скоро, однако, Карамзинъ убѣдился, что перемѣны къ лучшему не произошло. Принимались мѣры, которыя могли возбудить только недоразумѣнія и неудовольствія. Другъ Карамзина Дмитріевъ подвергся аресту по ложному доносу, и хотя онъ скоро освободился, но можно было видѣть, чего ждать впередъ. Литературой Карамзинъ продолжалъ заниматься, но здѣсь встрѣтился съ цензурою болѣе строгой: такъ при изданіи «Писемъ Путешественника» (1797 г.) ему можно было только перепечатать прежде помѣщенныя въ журналахъ, а послѣднія двѣ части остались въ рукописи до 1801 г. По поводу «Писемъ» Карамзину грозила большая опасность: рижскій цензоръ Туманскій, недовольный Карамзинымъ за то, что онъ не помѣщалъ въ «Московскомъ Журналѣ» его стиховъ, получивъ нѣмецкій переводъ «Писемъ», нашелъ въ нихъ вольныя мысли и сдѣлалъ доносъ. Гр. Растопчинъ спасъ на этотъ разъ Карамзина; онъ же спасъ его по случаю другого доноса, поданнаго императору (кажется отъ Кутузова, впослѣдствіи московскаго попечителя). Въ такомъ положеніи Карамзину осталось только печатать «Аониды», издавать старыя свои сочиненія и заниматься переводами: такъ въ 1798 г. издана была 2-ая часть Мармонтелевыхъ повѣстей; въ томъ же году Карамзинъ началъ изданіе «Пантеонъ Иностранной Литературы» (вышло отъ 1798 по 1803 гг. три тома; второе изданіе въ 1818 г.; третье въ 1835 г.). Въ этомъ изданіи онъ думалъ помѣщать образцы древнихъ и новыхъ литераторовъ; но встрѣтилъ такія цензурныя затрудненія, что писалъ Дмитріеву: «странное дѣло! у насъ есть Академія, Университетъ, а литература подъ лавкою», въ другой разъ, тоже по случаю цензурныхъ затрудненій, высказалъ онъ желаніе прекратить занятія литературою и прибавлялъ: «умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература!» «Въ этомъ восклицаніи, — замѣчаетъ Соловьевъ въ своемъ юбилейной рѣчи, — высказалась глубокая непоколебимая вѣра въ силу и живучесть народа, духу котораго литература служитъ выраженіемъ». Въ гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord» Карамзинъ написалъ извѣстіе о русской литературѣ. Къ этой же порѣ относятся и болѣе важныя его занятія: въ записной его книжкѣ встрѣчаются указанія, что онъ намѣренъ читать историковъ древнихъ и новыхъ, очевидно потому, что готовился къ историческому труду, который въ неясной перспективѣ рисовался ему еще въ Парижѣ. Въ 1797 г. написанъ имъ «Разговоръ о счастіи», заключающій въ себѣ систематическое изложеніе оптимизма. Система

эта, поддерживаемая европейскими писателями: Лейбницемъ, Шефтсбюри, Попомъ и осмѣянная Вольтеромъ въ «Кандидѣ», весьма подходила къ характеру и воспитанію Карамзина. Она состоитъ въ томъ, что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему, а зло есть нѣчто временное. Очень трудно сдѣлать вѣрное заключеніе о религіозныхъ убѣжденіяхъ Карамзина, но едва ли можно отрицать вѣроятность того, что по крайней мѣрѣ въ первую половину его жизни они заключались въ чистомъ деизмѣ, мирящемся съ оптимистическими воззрѣніями, хотя съ тою разницею отъ деизма Вольтера, что у представителей этого воззрѣнія сильно вѣрованіе въ Промыслъ, котораго у Вольтера нѣтъ; — таково мнѣніе преосвященнаго Иннокентія (Борисова): въ одномъ письмѣ къ Погодину онъ называетъ Карамзина «хорошимъ деистомъ». Разговоръ ведется между двумя лицами: Мелодоромъ, отрицающимъ счастіе на землѣ, и Филалетомъ, его признающимъ. Короткимъ выраженіемъ всего ученія служатъ слова Филалета: «Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку—въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу, въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе такъ же невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надо заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть счастливымъ есть.... быть добрымъ*». Въ этихъ словахъ весь Карамзинъ. Въ эти годы задумывалъ онъ писать похвальныя слова Петру и Ломоносову, набросалъ даже нѣсколько мыслей для перваго; но планъ этотъ не былъ исполненъ. 12-го марта 1801 г. скончался императоръ Павелъ, и 26-го марта Карамзинъ поздравлялъ брата съ «новымъ любезнымъ нашимъ императоромъ». Восшествіе на престолъ Александра Карамзинъ привѣтствовалъ одою, въ которой сравниваетъ его восшествіе съ приходомъ весны, выражаетъ надежду на великія дѣла, но желаетъ мира, правды на судѣ, добрыхъ нравовъ, образецъ которыхъ долженъ представлять дворъ; при этомъ предостерегаетъ отъ льстецовъ и указываетъ на доблести Пожарскаго и правдивость кн. Я. Долгорукова; въ заключеніе изображаетъ, что музы снимаютъ съ себя черный крепъ. Императоръ благосклонно принялъ эту оду. Въ апрѣлѣ 1801 г. Карамзинъ женился на Е. И. Протасовой, сестрѣ Плещеевой. Онъ прожилъ съ ней только годъ, былъ очень счастливъ, хотя постоянно тревожился ея плохимъ здоровьемъ. Въ мартѣ 1802 г. она родила дочь Софію, а въ апрѣлѣ скончалась. Карамзинъ былъ неутѣшенъ. Все время ея болѣзни онъ однако принужденъ былъ работать (онъ тогда издавалъ «Вѣстникъ Европы») и дѣлилъ время между своимъ кабинетомъ и комнатою больной. Отдыха онъ не имѣлъ. М. А. Дмитріевъ со словъ дяди разсказывалъ, что разъ утомленный онъ заснулъ на диванѣ и видѣлъ странный сонъ: стоитъ онъ у вырытой могилы, а черезъ нее подаетъ ему руку дочь кн. Вяземскаго, Екатерина Андреевна, на которой онъ послѣ женился. О ней онъ совсѣмъ не думалъ. Женился онъ второй разъ въ январѣ 1804 г. Въ 1801 г. Карамзинъ написалъ нѣсколько краткихъ біографій для предпринятаго П. П. Бекетовымъ изданія: «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» и въ томъ же году онъ занятъ былъ составленіемъ «Историческаго похвальнаго слова императрицы Екатеринѣ», которое было издано въ 1802 г. Слово это принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій Карамзина. На основаніи только воспоминаній и источниковъ, всѣмъ доступныхъ, онъ съумѣлъ составить полную и въ значительной степени вѣрную картину этой знаменитой эпохи. Онъ разсматриваетъ сначала побѣды Екатерины, потомъ ея законы и наконецъ учрежденія. Мѣстами встрѣчаются блестящія характеристики, мѣстами вѣскія разсужденія. Ясно высказываясь въ пользу самодержавія, Карамзинъ ставитъ въ заслуги Екатеринѣ то, что «она уважала въ подданомъ санъ человѣка», что она провозгласила, «владыки земные должны властвовать для блага народовъ». Темную сторону царствованія Екатерины онъ помянулъ потомъ въ «Запискѣ о Древней и Новой Россіи». Здѣсь онъ ея не коснулся, вѣроятно, потому, что имѣлъ въ виду показать новому правительству тотъ идеалъ, который носился передъ нимъ самимъ. Державный обѣтъ императора «править народомъ по закону и сердцу бабки своей Екатерины Великой» давалъ Карамзину возможность указать, въ чемъ же состояли дѣянія великой бабки. Александръ

одобрилъ слово. Въ 1802 г. Карамзинъ началъ издавать новый журналъ «Вѣстникъ Европы», который продолжался и въ 1803 г. Цѣль журнала была способствовать нравственному образованію: «развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей». Главное содержаніе «Вѣстника Европы» было общественное: онъ сообщалъ два раза въ мѣсяцъ (журналъ выходилъ въ числѣ 24 номеровъ въ годъ) политическія обозрѣнія, писанныя самимъ издателемъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ характеристики и лицъ и событій того времени, останавливаясь въ особенности на дѣлахъ тогдашняго перваго консула (послѣ императора) Бонапарта, но не оставляя безъ вниманія и другія страны. Еще съ большимъ вниманіемъ занимался Карамзинъ вопросами чисто русскими, въ особенности всѣмъ, что касалось просвѣщенія; такъ любопытны его статьи: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи», «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей»; въ «Письмѣ сельскаго жителя» высказалъ Карамзинъ свой взглядъ на крестьянскій вопросъ: онъ желалъ только ограниченія, а не уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что помѣщикъ можетъ быть благодѣтелемъ крестьянъ, и что освобожденные они предадутся лѣни и пьянству. Въ то время немногіе думали иначе, а Карамзинъ, выходящій всегда изъ мысли о постепенномъ усовершенствованіи и бывшій свидѣтелемъ событій конца XVIII вѣка, по самому складу ума своего, не могъ быть защитникомъ немедленнаго освобожденія. «Времена, — говоритъ онъ въ этой статьѣ —подвигаютъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя». Усилившаяся въ то время подражательность и пристрастіе къ иноземному подверглись сильному осужденію отъ Карамзина, особенно въ статьѣ «О любви къ отечеству и народной гордости», гдѣ онъ говоритъ: «мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самъ себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ». Воспитаніе дѣтей за границею вызвало его статью «Странность», поводомъ къ которой было намѣреніе основать близъ Парижа пансіонъ для русскихъ юношей. Небрежность воспитанія изображена въ статьѣ «Исповѣдь», имѣющей форму признанія богатаго барича въ пустотѣ и безполезности свѣтской жизни. Изъ литературныхъ произведеній Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», вспомнимъ «Марѳу Посадницу», напоминающую формою своею поэмы въ прозѣ, любимыя въ XVIII в., образцомъ которыхъ послужилъ «Телемакъ». Приподнятый слогъ «Марѳы Посадницы» очень нравился тогда и страницы изъ нея заучивались наизусть (напр. рѣчь Холмскаго). Замѣчательно, что и здѣсь, какъ и въ «Исторіи», Карамзинъ, понимая неизбѣжность паденія Новгорода, оплакивалъ его. Въ «Вѣстникѣ» же была помѣщена автобіографическая повѣсть «Рыцарь нашего времени», о которой уже было говорено выше; было говорено также и о статьѣ «Чувствительный и хладнокровный», характеризующей Карамзина и Петрова. Карамзинъ въ это время уже прилежно занимался исторіей и помѣстилъ въ своемъ журналѣ рядъ историческихъ статей: «Историческія воспоминанія и замѣчанія по пути къ Троицѣ»—особенно любопытно въ этой статьѣ сочувствіе Карамзина къ Годунову и сомнѣніе въ его преступленіи; «О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ служить предметомъ художества», «О тайной канцеляріи», гдѣ доказывается, что Приказъ тайныхъ дѣлъ ц. Алексѣя Михайловича совсѣмъ не тайная канцелярія XVIII ст.; «Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ» основано на житіи св. Зосимы и показываетъ, что Карамзинъ и въ это время уже знакомился съ памятниками подобнаго рода; «О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича»—пересказъ извѣстій иностранцевъ,— стало быть и съ ними знакомился уже Карамзинъ и т. д. Кромѣ своихъ сочиненій Карамзинъ помѣщалъ и переводы (изъ Жанлисъ). Въ 1803 г. началось изданіе «Сочиненій Карамзина» (окончено въ 1804 г.; вышло 8 т.). Въ томъ же году появилось сочиненіе А. С. Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», подавшее поводъ къ сильной полемикѣ, въ которой, впрочемъ, Карамзинъ не принялъ никакого участія. Изъ защитниковъ новаго слога замѣчательны Д. В. Дашковъ (впослѣдствіи министръ юстиціи) и П. И. Ма-

каровъ, редакторъ «Московскаго Меркурія», скоро умершій. Преобразованіе Карамзина состояло въ томъ, что онъ ограничивалъ роль славянскаго языка, который, по опредѣленію Ломоносова, служилъ признакомъ высокаго слога; употреблялъ иностранныя слова, хотя и не болѣе своихъ предшественниковъ, и къ тому же скоро сталъ многія изъ нихъ замѣнять русскими, придавалъ словамъ новое значеніе (напр. потребность), ввелъ нѣсколько новыхъ словъ (напр. общественность); вообще онъ сталъ писать языкомъ, близкимъ къ разговорному. По мнѣнію Я. К. Грота, реформа Карамзина не есть подражаніе иностраннымъ грамматикамъ, а основана на русскомъ разговорномъ языкѣ, при чемъ этотъ языкъ обогащается въ случаѣ нужды на основаніи своихъ началъ, и къ заимствованіямъ, и то не противнымъ духу языка, слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Объ измѣненіяхъ въ слогѣ вѣрно выразился И. И. Дмитріевъ: «Карамзинъ началъ писать языкомъ, подходящимъ къ разговорному языку образованнаго общества 70 годовъ; въ составленіи періода началъ употреблять возможную сжатость, притомъ воздерживается отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій; наконецъ соблюдаетъ естественный порядокъ въ словорасположеніи». Шишковъ защищалъ языкъ Ломоносовскаго періода, считая церковно-славянскія слова только принадлежностью высокаго слога, и для замѣны иностранныхъ словъ прибѣгалъ къ страннымъ нововведеніямъ (напр. мокроступы). Плохіе подражатели Карамзина придавали вѣроятность соображеніямъ Шишкова. Самъ же Карамзинъ прислушивался и къ Шишкову и значительно измѣнилъ свой слогъ, хотя и остался вѣренъ принятымъ началамъ. 28 сентября 1803 г. обратился онъ къ М. Н. Муравьеву, попечителю Московскаго округа, съ просьбою ходатайствовать о доставленіи ему званія исторіографа и средствъ для совершенія задуманнаго труда. 31 ноября того же года изданъ указъ, которымъ исполняется это ходатайство. Тогда Карамзинъ, окончивъ изданіе «Вѣстника», отдался своему труду и, по выраженію кн. Вяземскаго, «постригся въ исторіки». Работать приходилось много: предшественникомъ Карамзину были Татищевъ, исторія котораго есть только сводъ лѣтописей, и Щербатовъ, у котораго есть умныя замѣчанія, есть стремленіе связать событія, но мало критики и еще менѣе таланта. Изслѣдованій было сдѣлано немного; на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, знаменитый Шлецеръ; его «Несторъ» только еще выходилъ, да и служить пособіемъ могъ только для начала Руси; плеяда изслѣдователей, группировавшаяся около гр. Румянцова, составилась во время работъ Карамзина; памятниковъ было издано мало, да и не всѣ изданы были хорошо. Вотъ почему Карамзину приходились работать почти цѣлый день и зимой въ Москвѣ и лѣтомъ въ Остафьевѣ, имѣніи кн. Вяземскаго, куда онъ началъ ѣздить лѣтомъ, женясь на Екатеринѣ Андреевнѣ. Большая часть работы съ тѣхъ поръ, какъ онъ приступилъ къ кіевской эпохѣ, велась по рукописямъ: библіотеки и архивы были ему открыты съ самаго начала. Пока живъ былъ Муравьевъ, онъ пользовался его содѣйствіемъ, а когда онъ умеръ (въ 1808 г.), Карамзинъ обращался за содѣйствіемъ къ Н. Н. Новосильцеву, президенту Академіи. Въ Москвѣ ему много помогалъ А. Ѳ. Малиновскій, директоръ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; коммиссіонеромъ по доставленію книгъ и по сношеніямъ съ разными учеными служилъ ему А. И. Тургеневъ, умный, всѣмъ интересующійся, сынъ того Тургенева, который познакомилъ когда то Карамзина съ Новиковымъ; онъ былъ давно знакомъ исторіографу. Къ Шлецеру исторіографъ не обратился за совѣтомъ, по вѣроятному предположенію Погодина, потому, что опасался его высокомѣрія и сознавалъ недостатокъ своей ученой подготовки. Дѣйствительно, въ началѣ работы, какъ нѣкогда въ Парижѣ, ему казалось возможнымъ «выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ». Углубившись въ работу, онъ убѣдился, что недовольно раскрашивать то, что есть въ источникахъ, а приходится глубже изучить источники, и вотъ полгода проходитъ на изученіе всего, что написано о племенахъ, жившихъ нѣкогда въ Россіи, что составило содержаніе первой главы. Знатоки дивятся, какъ скоро онъ совладалъ съ обширной литературой и представилъ изящное изложеніе всего существеннаго въ наукѣ его времени. Только проработавъ три года, онъ могъ написать Муравьеву: «не боюсь ферулы Шлецеровой». Еще въ 1806 г., описавъ времена языческія, что по первоначальному замыслу составляло два тома

(впослѣдствіи вышелъ одинъ), онъ писалъ Муравьеву: «надѣюсь въ 3 томѣ дойти до Батыя, а въ 4 до перваго Ивана Васильевича; тамъ останется написать еще тома два до Романовыхъ». Планъ этотъ, какъ извѣстно расширился. Въ 1808 г. онъ писалъ Новосильцову: «Надѣюсь съ помощью Божіею, года черезъ три или четыре дойти до времени, когда воцарился у насъ знаменитый домъ Романовыхъ». Послѣ этого онъ проработалъ еще шестнадцать лѣтъ и не дошелъ до Романовыхъ. Во время работъ радовался онъ новыми находками: Новосильцева извѣщалъ онъ (въ 1808 г.), что «найдены мною въ Московской патріаршей и въ монастырскихъ библіотекахъ нѣкоторыя важныя историческія рукописи XIII и XIV вѣка, до нынѣ совершенно неизвѣстныя. Смѣю утвердительно сказать, что я могъ объяснить, не прибѣгая къ *догадкамъ* и *вымысламъ*, многое темное и при томъ достойное любопытства въ нашей древней исторіи». Въ 1809 г. нашелъ онъ Волынскую лѣтопись, сначала въ Хлѣбниковскомъ, а потомъ въ Ипатскомъ спискѣ, и на основаніи ея много передѣлалъ въ своемъ изложеніи. Въ концѣ 1809 г. Государь, бывшій въ Москвѣ, сказалъ на балѣ Карамзину нѣсколько привѣтливыхъ словъ: тогда въ первый разъ онъ представился Государю. Тогда же былъ онъ представленъ в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ (кажется Растопчинымъ, родственникомъ Плещеевымъ), былъ принятъ благосклонно и получилъ приглашеніе пріѣхать въ Тверь, гдѣ супругъ ея, принцъ Ольденбургскій, былъ генералъ-губернаторомъ. Въ Твери Карамзинъ читалъ отрывки изъ Исторіи въ присутствіи в. кн. Константина Павловича; тогда же заочно узнала его вдовствующая императрица; съ этихъ поръ начинается ея благоволеніе къ нему. Съ этихъ поръ началась его переписка съ Великою Княгинею, теперь уже изданная. Отношенія были съ Ея стороны самыя благосклонныя, а съ его самыя непринужденныя. Альбомъ выписокъ мыслей разныхъ авторовъ, составленный для Великой Княгини Карамзинымъ, чрезвычайно для него характеристичный, напечатанъ въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы» Н. С. Тихонравова.

Когда Государь въ 1810 г. пожаловалъ Карамзину орденъ Св. Владиміра 3 степени, вѣроятно, исходатайствованный Дмитріевымъ, бывшимъ тогда министромъ юстиціи, Кутузовъ, только что назначенный попечителемъ, послалъ министру гр. Разумовскому доносъ на Карамзина, оставшійся впрочемъ безъ послѣдствій. Любопытно, что въ то время было въ виду назначить Карамзина или министромъ, или попечителемъ. Первому плану воспрепятствовалъ Сперанскій, указавъ на малый чинъ Карамзина; а отъ втораго назначенія отрекся, кажется, самъ исторіографъ. Около этого времени приглашали его профессоромъ въ Харьковъ, но Карамзинъ также отказался. Въ третье свое посѣщеніе Твери Карамзинъ читалъ отрывки изъ своей Исторіи (о Куликовской битвѣ) въ присутствіи Государя, которому тогда же представилъ «Записку о Древней и Новой Россіи». Государь былъ къ нему очень милостивъ; но, прочитавъ «Записку», простился съ нимъ холодно; впрочемъ впослѣдствіи милость опять возвратилась. «Записка»— высшій гражданскій подвигъ, на который немногіе бы рѣшились. Очертивъ вкратцѣ древнюю Русь, авторъ обращается къ Петру Великому. Воздавъ должное его генію и его намѣреніямъ, онъ говоритъ, что онъ «могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». Въ «Исторіи» онъ ясно даетъ преимущество великому князю Іоанану Васильевичу передъ Петромъ, какъ государю, неизмѣнявшему обычаевъ. Строго осудивъ XVIII в., онъ указываетъ и на темныя стороны Екатерины II: упадокъ правовъ, болѣе блеска, чѣмъ основательности въ учрежденіяхъ, воспитаніе на чужеземный ладъ. Царствованіе Павла тоже не оставлено имъ безъ осужденія. Переходя къ своему времени, Карамзинъ осуждаетъ поспѣшность реформъ, заимствованіе законовъ, неудачи во внѣшней политикѣ. Можно не соглашаться съ выводами Карамзина, можно опровергать его мнѣніе о крѣпостномъ правѣ, находить, что министерства лучше коллегій и т. д., но нельзя не признать, что Карамзинъ остался вѣренъ своему эпиграфу: «нѣсть лести на языцѣ моемъ». Новые критики строго осуждаютъ эту «Записку» и находятъ даже въ ней одну изъ причинъ паденія Сперанскаго, что конечно несправедливо. Если бы даже «Записка» Карамзина и навела Государя на мысли, неблагопріятныя Сперанскому, чего, кажется, не было, то и тогда можно сказать, что

Карамзинъ осуждалъ систему, а не человѣка, и стало быть не могъ подать поводъ къ ссылкѣ его. Въ 1812 г. Государь думалъ даже назначить Карамзина государственнымъ секретаремъ, но предпочелъ Шишкова. Карамзинъ оставилъ Москву только наканунѣ вступленія французовъ (1 сентября); поѣхалъ въ Ярославль, а оттуда въ Нижній Новгородъ. Въ Москву онъ возвратился въ іюнѣ 1813 г. Въ Нижнемъ онъ читалъ, проводилъ свободное время въ кругу московскихъ знакомыхъ; такъ въ Нижнемъ жила тогда вдова М. Н. Муравьева, Екатерина Ѳедоровна, которую Карамзинъ очень уважалъ; при ней нѣкоторое время находился родственникъ ея мужа, поэтъ Батюшковъ, тамъ-же жилъ В. Л. Пушкинъ. Въ Нижнемъ Карамзинъ потерялъ сына. Въ Москвѣ между тѣмъ сгорѣла его библіотека, кромѣ тѣхъ книгъ и рукописей, которыя были въ Остафьевѣ. Возвратясь въ Остафьево, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «я плакалъ дорогой, плакалъ и здѣсь; Москвы нѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни домы сгорѣли, самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало». Императрица Марія Ѳеодоровна предлагала Карамзину поселиться въ Павловскѣ. Карамзинъ, получивъ извѣстіе объ этомъ отъ Дмитріева, написалъ благодарственное письмо и получилъ милостивый собственноручный отвѣтъ. Въ Петербургъ, впрочемъ, Карамзинъ рѣшился ѣхать не прежде того времени, когда ему можно будетъ приняться за изданіе «Исторіи». Въ то время онъ писалъ царствованіе Василія Іоанновича. Окончаніе войны въ 1814 г. побудило его написать стихотвореніе: «Освобожденіе Европы и слава Александра». Въ предисловіи къ нему онъ изъявлялъ намѣреніе описать происшествія той эпохи. Мысль эту очень одобряла вдовствующая императрица въ своихъ письмахъ (сохранились наброски мыслей для этого не осуществившагося произведенія). Въ 1814 г. исторіографъ уже приступаетъ къ Грозному. «Мысленно смотрю на Грознаго: какой славный характеръ для исторической живописи! —писалъ онъ Тургеневу,—жаль если выдамъ Исторію безъ сего любопытнаго царствованія! тогда она будетъ, какъ павлинъ безъ хвоста». Слова, чрезвычайно важныя для характеристики художественнаго взгляда Карамзина на исторію. Тогдашнія занятія Карамзина хорошо рисуются въ его письмахъ къ Дмитріеву, брату, Тургеневу и въ отрывкахъ изъ записокъ К. Ѳ. Калайдовича, который въ ту пору часто посѣщалъ Карамзина и помогалъ его розысканіямъ. Въ началѣ 1816 г., окончивъ 8-й томъ и написавъ предисловіе и посвященіе, Карамзинъ собрался въ Петербургъ поднести свой трудъ Государю и просить средствъ на изданіе. Императрица Марія Ѳедоровна давно уже звала его въ Петербургъ: «Еще прошло лѣто, — писала она въ сентябрѣ 1815 г.,—и все еще Розовый Павильонъ (въ Павловскѣ) извѣстенъ вамъ только по имени и все еще письменно только съ вами бесѣдую». 2 февраля 1816 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ до конца марта (выѣхалъ послѣ 21 числа). Письма его къ женѣ представляютъ подробное и любопытное извѣстіе объ этой поѣздкѣ. Въ Петербургѣ его приняли очень хорошо: изъ литераторовъ онъ особенно дорожилъ «Арзамасцами», членами литературнаго общества, основаннаго для противодѣйствія «Бесѣдѣ любителей Русскаго слова» и «Россійской Академіи», съ предсѣдателемъ которой Шишковымъ тогда онъ познакомился. Арзамасцы, по большей части москвичи, старые знакомые и, какъ Жуковскій, даже друзья Карамзина, встрѣтили его радушно. Всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался, были къ нему привѣтливы; гр. Румянцевъ, видя, что печатаніе на казенный счетъ можетъ не состояться, предлагалъ деньги на изданіе; Карамзинъ отказался, считая помощь частнаго лица не согласною съ званіемъ исторіографа. Обѣ императрицы и другіе члены царской фамиліи были чрезвычайно милостивы къ Карамзину; обѣщали, что Государь его скоро приметъ; но пріемъ откладывался все далѣе и далѣе. Долго Карамзинъ не собрался сдѣлать визитъ Аракчееву, несмотря на то, что, какъ ему достовѣрно было извѣстно, тотъ желалъ его визита. По собрался и на другой день былъ призванъ къ Государю (16 марта), который обнялъ его, разговаривалъ съ нимъ болѣе часа и назначилъ ему на изданіе «Исторіи» 60.000 руб., съ тѣмъ, чтобы издавалась она въ Петербургѣ; весною и лѣтомъ отводилась ему дача въ Царскомъ Селѣ; но—что всего важнѣе—ему предоставлялось право быть искреннымъ. Въ маѣ Карамзинъ совсѣмъ переселился изъ Москвы и прямо переѣхалъ на дачу въ Царское Село. Съ

тѣхъ поръ онъ жилъ постоянно лѣтомъ въ Китайской деревнѣ Царскаго Села, а зимой въ Петербургѣ. Здѣсь все болѣе и болѣе усиливалась его близость къ царской фамиліи. Государь часто приглашалъ его къ себѣ; много разговаривалъ съ нимъ при прогулкахъ по парку (аллея котораго звалъ «зеленымъ кабинетомъ»), принялъ на себя цензуру «Исторіи», постоянно читалъ ее въ рукописи, выслушивалъ и исполнялъ просьбы Карамзина за разныхъ лицъ, сообщалъ ему даже важныя дѣла (Карамзинъ въ числѣ немногихъ зналъ объ отреченіи Цесаревича); Карамзинъ не обинуясь выражалъ ему свои мнѣнія; такъ въ 1819 г. онъ представилъ ему свою знаменитую записку: «Мнѣнія русскаго гражданина», когда узналъ о намѣреніи присоединить къ Царству Польскому западныя губерніи. Государь, хотя и не совсѣмъ доволенъ былъ этимъ мнѣніемъ, но сохранилъ благосклонность къ автору. Любопытны слова Карамзина въ запискѣ, оставленной для дѣтей: «я всегда былъ чистосердеченъ, Онъ былъ терпѣливъ, притомъ любезенъ непзъяснимо, не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ большею частью не слѣдовалъ». Мы знаемъ, что Карамзинъ не одобрялъ ни мистицизма кн. Голицына, ни дѣятельности Шишкова, Магницкаго, ни—вѣроятно—военныхъ поселеній,—мы видѣли, что онъ съ трудомъ собрался сдѣлать визитъ Аракчееву. Государь изрѣдка самъ заходилъ на его дачу; сохранились его чрезвычайно милостивыя письма. Сохранились также письма обѣихъ императрицъ; задушевныя письма императрицы Елизаветы Алексѣевны чрезвычайно хороши; особенно трогательно ея послѣднее письмо, писанное по кончинѣ Императора; о письмахъ в. кн. Екатерины Павловны, впослѣдствіи королевы Виртембергской, кончину которой пришлось оплакивать Карамзину, уже было упомянуто. Письма Вдовствующей Императрицы извѣстны до сихъ поръ только въ извлеченіяхъ; для императрицы Елизаветы Алексѣевны Карамзинъ составилъ альбомъ, до сихъ поръ еще не изданный.

Изъ писемъ Карамзина и изъ разсказовъ, собранныхъ въ книгѣ Погодина, видно, какъ онъ проводилъ свое время: утромъ онъ работалъ, ѣздилъ верхомъ; вечера проводилъ въ семействѣ или за чтеніемъ литературныхъ произведеній (онъ особенно любилъ романы Вальтеръ Скотта) или въ бесѣдѣ съ друзьями. Кромѣ арзамасцевъ, гр. Румянцева и Е. Ѳ. Муравьевой, Карамзинъ въ это время особенно сблизился съ гр. Кододистріа. Выѣзжалъ онъ рѣдко и болѣе всего къ особамъ Царской Фамиліи. Кромѣ «Исторіи» въ это время онъ написалъ только (1817 г.) «Записку о Московскихъ достопамятностяхъ» для императрицы Маріи Ѳеодоровны, которую напечатали безъ его вѣдома и которая возбудила ѣдкую, но несправедливую критику Каченовскаго; да еще напечатана была рѣчь, произнесенная имъ въ Россійской Академіи, когда онъ былъ выбранъ ея членомъ (1818 г.). Эта любопытная рѣчь заключаетъ въ себѣ косвенный отвѣтъ на филологическія мнѣнія ея президента Шишкова, выразившіяся и въ дѣйствовавшемъ тогда уставѣ Академіи. 28 января 1818 г. Карамзинъ поднесъ Государю 8 томовъ «Исторіи», которые печатались медленно въ двухъ типографіяхъ. Напечатано было 3000 экземпляровъ и все изданіе разошлось въ 25 дней. Потребовалось второе, которое принялъ на себя книгопродавецъ Сленинъ (изданіе это заключаетъ въ себѣ одиннадцать томовъ и выходило въ 1819—1824 г.; двѣнадцатый томъ вышелъ уже подъ редакціей Блудова въ 1829 г.). Исторія была переведена еще при жизни Карамзина на французскій, нѣмецкій, польскій и итальянскій языки. Ее встрѣтили сочувственными рецензіями Геренъ, Добровскій, Берне, Дону и нѣкоторые другіе французскіе критики. Въ Россіи М. О. Орловъ и Каченовскій разобрали предисловіе; Арцыбашевъ, Погодинъ, Полевой, Ходаковскій сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Критика Арцыбашева, весьма придирчивая, на первые томы «Исторіи Государства Россійскаго» появилась въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» 1822 и 1823 гг., но обратила на себя вниманіе послѣ перепечатки въ «Московскомъ Вѣстникѣ»; были его замѣтки и въ «Вѣстникѣ Европы»; Булгаринъ разобралъ томы 10 и 11, и самъ надѣлалъ промаховъ; Н. М. Муравьевъ, декабристъ, написалъ опроверженіе общаго взгляда Карамзина съ либеральной точки зрѣнія; эта рецензія напечатана только Погодинымъ; молодой тогда Пушкинъ встрѣтилъ Исторію двумя эпиграммами. Первую серьезную критику помѣстилъ Лелевель въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822, 1823 и 1824 гг. (критика Полевого появилось въ 1829 г.). Цѣль своей книги Карамзинъ хорошо охарактеризовалъ въ

письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ: «я писалъ съ любовью къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности». «Исторія Государства Россійскаго» произведеніе необыкновеннаго трудолюбія, пламеннаго патріотизма, высокаго нравственнаго чувства и мощнаго художественнаго таланта. Карамзинъ собралъ сколько могъ источниковъ, между которыми оказывается много до него неизвѣстныхъ, сдѣлалъ изъ нихъ выписки въ примѣчаніяхъ, замѣнявшихъ самые источники, пока они не были напечатаны, а нѣкоторые и до сихъ поръ общедоступны только въ примѣчаніяхъ Карамзина. Не оставилъ онъ безъ вниманія ни памятниковъ словесности, ни памятниковъ вещественныхъ. Собранные памятники онъ изучилъ тщательно и сдѣлалъ много вѣрныхъ критическихъ замѣчаній о подложности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Любя хорошее вездѣ, Карамзинъ любилъ его преимущественно въ Россіи: «Чувство: «мы», «наше», говоритъ онъ—оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть». «Если нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка— писалъ онъ къ Тургеневу — есть только двуножныя животныя съ брюхомъ». Патріотическое настроеніе Карамзина проходитъ черезъ всю исторію. Не менѣе замѣтно и высокое нравственное чувство: онъ строго судитъ то, что считаетъ дурнымъ, восхищается всѣмъ добрымъ и, сознавая необходимость побѣды, не укоряетъ побѣжденныхъ. Онъ ненавидитъ только зло. Если иногда къ людямъ былого времени онъ примѣняетъ мѣрку своего вѣка, то то-же дѣлали всѣ историки поры его образованія, на которыхъ онъ выросъ; нѣкоторая доля сентиментальности, сказавшаяся въ томъ, что онъ ищетъ чувствительности въ князьяхъ древней Руси—тоже дань времени. Какъ художникъ, Карамзинъ представилъ яркіе очерки характеровъ, умѣлъ такъ расположить матеріалъ, что обозрѣніе его доступно всякому: нигдѣ онъ не сбился и все разставилъ на своемъ мѣстѣ. Слогъ его «Исторіи» можетъ иногда казаться искусственнымъ, но за то какъ мелодично теченіе его рѣчи, какъ кстати онъ пользуется лѣтописными словами. Самая искусственность тогда считалась необходимою: о предметахъ важныхъ слѣдовало говорить иначе, чѣмъ объ обыкновенныхъ. Въ «Исторіи» Карамзина есть еще особенность: въ предисловіи онъ сказалъ: «исторія есть священная книга царей и народовъ»; исходя изъ этой мысли, онъ считалъ необходимымъ выводить изъ прошедшаго поученія для настоящаго: оттого онъ ставитъ в. кн. Іоанна Васильевича выше Петра за то, что онъ не измѣнялъ обычаевъ,—косвенное поученіе для подражательности его времени! Останавливаясь на способѣ составленія Царскаго Судебника, онъ какъ бы осуждаетъ снова работы законодательной коммиссіи Сперанскаго. Можно еще прибавить, что до сихъ поръ книга Карамзина должна была бы служить поучительнымъ чтеніемъ для юношества, и нельзя не пожалѣть о томъ, что ее читаютъ мало и даже въ школахъ изучаютъ недостаточно. На ней выросло не одно поколѣніе, и конечно никто не пожалѣлъ о томъ. Въ 1825 г. Карамзина, занятаго сочиненіемъ 12 тома «Исторіи», постигло большое горе: 19 ноября скончался императоръ Александръ. Карамзинъ написалъ задушевное письмо къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая прислала ему трогательный отвѣтъ; ее онъ тоже больше не видалъ. Самъ онъ проводилъ всѣ эти тяжелые дни во дворцѣ, между прочимъ и прискорбный день 14 декабря. Новый Императоръ поручилъ ему вмѣстѣ со Сперанскимъ составить манифестъ. Въ своихъ разговорахъ съ молодымъ Государемъ и его матерью онъ передавалъ свои мысли и между прочимъ разъ произнесъ осужденіе нѣкоторымъ мѣрамъ прошлаго. «Пощадите сердце матери, Николай Михайловичъ!» воскликнула императрица Марія Ѳеодоровна. «Ваше Величество,—отвѣчалъ Карамзинъ,—я говорю не только матери Государя, который скончался, но и матери Государя, который готовится царствовать» Въ январѣ 1826 г. Карамзинъ заболѣлъ: у него началась чахотка. Медики нашли нужнымъ послать его въ Италію, и онъ письменно просилъ Государя назначить его агентомъ во Флоренцію, гдѣ, какъ онъ слышалъ, открывается ваканція. Государь отвѣтилъ, что хотя ваканціи во Флоренціи и нѣтъ, «но Россійскому исторіографу ненужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особенно флорентійской». Для проѣзда его былъ снаряженъ фрегатъ, Ка-

рамзинъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ. Въ маѣ переѣхалъ онъ въ Таврическій дворецъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ до отъѣзда. Здоровье его, однако, все слабѣло, и друзья его, особенно Жуковскій, начали хлопотать объ обезпеченіи его семейства; хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Государь назначилъ ему пенсію по 50000 р. въ годъ, которые послѣ его смерти должны перейдти нераздѣльно къ его семейству. Въ рескриптѣ, сопровождавшемъ эту милость, было написано: «Александръ сказалъ вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа». Императрица Марія лично посѣтили Карамзина. 22 мая онъ скончался.

Карамзинъ былъ не только великій писатель, но и благороднѣйшій человѣкъ. «Жить—писалъ онъ Тургеневу—есть не писать исторію, не писать трагедію, или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ». Однажды онъ писалъ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, что желалъ бы вписать въ ея альбомъ къ числу русскихъ пословицъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись... жить!» «Она всѣмъ извѣстна,—прибавляетъ онъ,—но безъ окончательнаго слова, которое важно и найдено мной недавно въ одной древней рукописи». Самъ онъ умѣлъ себя воспитывать: мы знаемъ, какъ рано онъ отказался отъ увлеченій молодости, которымъ когда-то предавался, хотя впрочемъ довольно умѣренно; онъ съумѣлъ изъ свѣтскаго человѣка и литератора сдѣлаться ученымъ и дойти до того, что «ферулы Шлецера болѣе не боялся». Никогда не отвѣчая на критики, онъ умѣлъ пользоваться вѣрными замѣчаніями: слогъ его много измѣнился подъ вліяніемъ критики Шишкова, и здѣсь, какъ и вездѣ, онъ могъ быстро отдѣлить вѣрное отъ невѣрнаго. Не отвѣчая критикамъ, не обращая вниманія на своихъ враговъ, онъ однако никогда не дѣлался ихъ врагомъ: онъ никому не мстилъ. Умѣя повсюду сохранять свою независимость, онъ желалъ, чтобы и другіе знали это. Когда разъ А. С. Пушкинъ сказалъ ему въ спорѣ: «и такъ, вы рабство предпочитаете свободѣ», онъ очень огорчился и замѣтилъ: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ не говорили». Къ друзьямъ своимъ онъ сохранялъ неизмѣнную привязанность. Вспомнимъ Петрова, Дмитріева; къ постороннимъ онъ былъ сострадателенъ, помогалъ бѣднымъ, готовъ былъ ходатайствовать, когда было нужно, передъ Государемъ. Чувствительность Карамзина, которая по странности для нашего времени ея формы, кажется иногда искусственною, была дѣйствительнымъ свойствомъ его характера, не смотря на сдержанность, которую онъ выработалъ въ себѣ въ продолженіи жизни. Въ обществѣ онъ былъ очень пріятенъ: «не было человѣка обходительнѣе и добрѣе Карамзина въ обращеніи—говоритъ М. А. Дмитріевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти». — Голосъ краснорѣчивѣйшаго нашего писателя былъ громокъ и благозвученъ. Онъ говорилъ съ необыкновенною ясностью; спорилъ горячо, но логически, и никогда не сердился на противорѣчія». Такимъ является Карамзинъ во всѣхъ разсказахъ современниковъ. Словомъ, болѣе изящнаго и болѣе мѣрнаго человѣка трудно сыскать.

Источники и пособія:

Сочиненія Карамзина имѣли 5 изданій (1803—1804; 1814; 1820; 1834—1835 и 1848); всѣ неполны, а послѣднее даже неисправно. Лучше всѣхъ Л. И. Поливанова: «Избр. соч. Карамзина», ч. 1. М. 1884 г. но оно неполно и не окончено. Въ 1862 г. вышла первая часть «Неизд. соч. и переп. Н. М. Карамзина», но вторая не выходила. «Зап. о Древн. и Нов. Россіи» напечатана въ «Русск. Арх.» 1870 г. «Ист. Гос. Росс.» имѣла 6 изданій (1—1818 въ 8 т.; 2—1819—1829 г. 12 т.; 3—1830—31; 4—1833—1835; 5—1842—1843, почитаемое лучшимъ; при немъ, какъ и при второмъ, строевскій «Ключъ», 6—1848); въ 1892 г. напечатано 7-е изданіе въ приложеніи къ журналу «Сѣверъ; изданіе «Дешевой Библіотеки» совсѣмъ безъ примѣчаній. Переводы Карамзина собраны въ одно изданіе разъ и то невполнѣ (1834 — 1835 въ 9 т.). Переписка Карамзина напечатана частью въ отдѣльныхъ сборникахъ: «Письма къ Дмитріеву» СПБ. 1866 г., «Письма къ Малиновскому» М. 1860, частью въ журналахъ—«Москвитянинъ»,«Атеней»,«Библіогр. Зап.», «Русск. Арх.», «Записки Акад. Наукъ», т. LXXIII, «Сборникъ II отдѣл. Акад. Наукъ» и др., частью въ изданіи «Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина», частью въ трудѣ Погодина; многія еще не изданы. Лучшая біографія Карамзина составлена Погодинымъ: «Н. М. Карамзинъ» М. 1866 2 т. (рецензія на нее А. Д. Галахова въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1867, № 1). Обстоятельной оцѣнки Карамзина со всѣхъ сторонъ пока еще не имѣемъ, только «Исторія» подробно, хотя быть можетъ и черезъ чуръ строго разобрана Соловьевымъ («Отеч. Зап.» 1853—1856 г.г.); еще строже къ ней П. Н. Милюковъ (въ статьѣ «Главныя теченія въ русской исторіографіи»—(«Русская Мысль», 1895). Нѣкоторые эпизоды его жизни и дѣятельности изучены въ статьяхъ А. Д. Галахова (въ «Совр.», «От. Зап.» и «Вѣстн. Евр.»), Н. С. Тихонравова (въ «Русск. Вѣстн.», объ отношеніяхъ его къ масонамъ); о языкѣ Карамзина имѣемъ подробное изслѣдованіе Я. К. Грота въ «Фил. Разыск.» и Ѳ. И. Буслаева «О препод. отеч. языка». Общія характеристики, хотя и не подробныя, въ «Ист. Русск. Слов.» А. Д. Галахова, въ брошюрѣ Н. Л. Лавровскаго, «Карамзинъ и его лит. дѣятельность», въ рѣчи Я. К. Грота на юбилеѣ 1866 г., въ замѣчаніяхъ Бѣлинскаго, разсѣянныхъ по разнымъ статьямъ, въ книгѣ К. Бестужева-Рюмина «Біографіи и характеристики»; въ сочиненіи А. Н. Пыпина: «Общ. движ. при Александрѣ I» строгое осужденіе направленія Карамзина. «Письма Русск. Путеш.» оцѣнены въ статьяхъ Ѳ. И. Буслаева («Моск. Унив. Изв.», 1867—перепечат. въ изданіи «Писемъ» въ «Дешев. Библ.)» и Д. Н. Анучина («Русск. Мысль, 1891»). С. И. Пономаревъ помѣстилъ въ 36-мъ томѣ «Сборн. Отд. Русск. языка и Словесн. Имп. Ак. Наукъ» «Матеріалы для библіографіи литер. о Карамзинѣ», заключающіе въ себѣ перечень его сочиненій, переводовъ и писемъ, переводовъ его сочиненій и статей о нихъ.

2007050300